

И во многом парадоксальность приведенной ситуации связана с теми ориентировками, которые массовому и элитарному сознанию задает политическая наука. Сами политологи обычно скромно оценивают меру такого влияния. Это связано, в первую очередь, с необходимостью следовать в политическом исследовании критериям научности. Исследователь должен быть экспертом, наблюдать за реальностью с определенной методологией его исследования дистанции, а не быть частью той самой реальности, которую он изучает. С другой стороны, вероятно, учеными руководит понимание того, что сама по себе заявка на влияние на массовое и элитарное сознания вводит предмет и метод научного исследования в достаточно жесткие рамки моральных, идеологических, этнокультурных и других детерминаций. По поводу масштаба научного влияния можно спорить. Но в данном случае для выяснения причин важен не масштаб, а сам факт.

А фактом является влияние науки на социально-политический мифогенез вообще, и на возникновение данного парадокса, в частности. Можно даже сказать, что в массовое сознание этот парадокс оказался привнесен из научной сферы в готовом виде. Условием существования современной политической науки как таковой является ее способность формировать в обществе и в рядах властвующих элит убеждение, что эти два ключевых субъекта политики, в принципе, всегда могут между собой договориться, а устойчивость таких договоренностей как раз и является, обычно, основным научным аргументом в пользу превосходства демократии над прочими порядками организации политической жизни. А выполнение такой конструктивной функции, заметим, создает объективный стимул для ориентации большинства политологов в их исследовательской работе на достижения, прежде всего, либерального направления в зарубежной науке.

Наука, таким образом, задает общественному сознанию задачу, которую-то, что вполне естественно, разрешает в духе своего прежнего политического опыта, то есть в духе тех самых традиций сословности. Получается, что если Конституция достаточно жестко, с привязкой к условиям того исторического момента, в который она была принята, определяет для всех граждан единые условия «общественного договора» с институтами государства, то все дальнейшее совершенствование системы этих взаимоотношений (а в этом, собственно, и заключен внутренний смысл модернизации) может и должно идти по линии их спецификации и конкретизации. Так рождаются не только заявки на пересмотр и «поправки» Конституций, но и «цветные революции» в, казалось бы, раз и навсегда обустроенном в соответствии с нормами либеральной демократии политическом пространстве. Если гражданский статус по Конституции определяется возможностью для всех индивидов формулировать и заявлять свой политический интерес, то прогрессирование политической системы становится возможным, прежде всего, в направлении конкретизации и спецификации каждого интереса как естественного условия его конкуренции с другими интересами, за которыми стоят группы точно таких же индивидов.

Таким образом, проблему «новой сословности» можно отнести к тому разряду проблем, которые «вычисляются» формально-логически и мифологически. Это означает, что для общества, состояния его культуры и его практики эти проблемы, собственно, проблемами не являются. Это, в первую очередь, проблема для науки. Проблема ее способности продвинуться вперед хотя бы на уровне постановки вопроса о возможности и эффективности новых интерпретаций, новых теоретических ракурсов, позволяющих расширить рамки научной традиции.

УДК 316+929

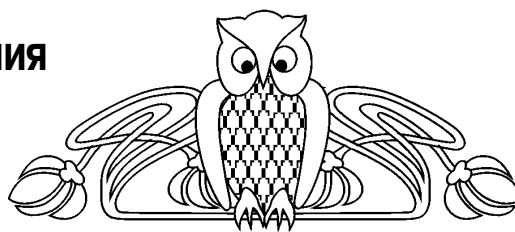
ИМПЕРСКО-ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются противоречия имперского и либерального тезауруса модернизационного дискурса в творчестве Н.Г. Чернышевского. Особое внимание уделяется взглядам русского мыслителя на сущность государства и власти.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, политический дискурс, модернизация, великие реформы Александра II

**Imperial-liberal Contradictions of Political Discourse of
N.G. Chernyshevsky**

Ya.A. Nikiforov

In article contradictions of the imperial and liberal thesaurus of modernization discourse in N.G. Chernyshevsky's creativity are considered. The special attention is given to sights of the Russian thinker at essence of the state and the power.

Key words: N.G. Chernyshevsky, modernization, political discourse, great reform of Alexander II

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Всякое коммуникативное взаимодействие, в том числе и политическое, непременно предполагает и определенный язык общения, содержащий достаточно однозначные и адекватно воспринимаемые всеми его участниками категории. М.В. Ломоносов писал: «...если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и пустыням»¹. Именно формирование системы общепринятых в данном политическом пространстве символов и знаков делает возможным всякое коммуникативное взаимодействие субъектов и объектов политической власти. Язык политического сообщения – в его семиотическом смысле – выступает своего рода кодом, который содержит определенные смыслы, достаточно адекватно и однозначно воспринимаемые как субъектами политической власти, так и всеми объектами ее воздействия. Взаимодействие субъекта и объекта политики всегда предполагает существование некоего тезауруса, который содержит группу понятий и концептов, одинаково понятных всем участникам политического общения. Объем и состав данного тезауруса зависят от множества факторов глобального и национального уровня. Восприятие и понимание содержания тех или иных символов, сообщений, текстов участниками политических отношений может быть адекватным, только если строится на определенной системе общепринятых понятий и концептов, в которых упорядочен весь предыдущий политический опыт личности, группы, общества в целом. Цель политического дискурса – убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели.

Проблема модернизации является одной из наиболее злободневных для отечественного сознания, как научного, так и общественного, поскольку связана она с выработкой стратегии развития страны. Само слово модернизация, выйдя за пределы строгой научной категории, стало употребляться чрезвычайно широко, зачастую включая в себя противоречивые значения. Задача осмысления модернизационных процессов в России способствует появлению новых терминов, имеющих целью обосновать своеобразие российского варианта модернизации. Так, С.Н. Гавров²³ предлагает рассматривать с учетом российской специфики в качестве основных две модели: либеральную и имперскую. Следуя этой логике, одной из основ-

ных причин незавершенности модернизационного проекта второй половины XIX в. следует считать его внутренние, идейные противоречия, власть оказалась неспособна, а общество не готово к проведению модернизации ни в имперской, ни тем более в либеральной формах. В пореформенной России трансформационные процессы развивались в разных направлениях, стихия народной жизни сопротивлялась модернизационным процессам. Немаловажное значение в «невозможности найти такую формулу реформы, которая имела бы местные исторические корни и была бы при этом жизнеспособной»⁴, имело то, что политический дискурс основных идеологов эпохи был чрезвычайно противоречивым. В период подготовки и проведения реформ в русском обществе шли активные обсуждения способов и вариантов их реализации. Начиная с 1859 г., Чернышевский вступает в общественные споры о проектах Реформы с тем же намерением, что и другие их участники: повлиять на итоговый текст закона. В то время как он пытается изменить содержание Реформы, которая должна была стать двигателем предстоящей модернизации, его размышления носят настолько противоречивый характер, что «будто их высказывали разные люди, принадлежащие к мировоззрениям, борющимся одно против другого»⁵. Имперские дискурсивные пропозиции постоянно сталкиваются в его творчестве с либеральными. Вкратце основные характерные символы имперского дискурса составляют следующий ряд: вертикальная иерархия управления; абсолютный суверенитет одного лица; полития, объединяющая несколько сообществ; идеальная категория целей, во имя которых можно и должно жертвовать; способность вести соревнование с равновеликими субъектами мировой политики; прочность связи центральных властей с местными элитами. Тезаурус либерального дискурса включает в себя: безусловную ценность личной свободы, моральную ответственность человека за свой осознанный выбор, ликвидацию отношений господства и подчинения, создание условий, при которых правит закон, ограничение государства и сведения его к минимуму вплоть до растворения в обществе.

Противостояние концептов этих двух дискурсивных систем у Чернышевского проявляется, в первую очередь, в рассуждениях о сущности государства и власти. В имперском дискурсе государство предстает у него элементом, определяющим общее положение в России, где крепостничество не более чем особенность: «...при нынешнем положении общественных нравов государство имеет очень значительную силу над частной жизнью. Главным источником такой силы мы считаем непривычку частных людей к инициативе»⁶. Могут ли изменения в правящих кругах или присутствие в верхах «либералов» привести к другому результату? Здесь вступает в силу понятие «бюрократического порядка», чтобы охарактеризовать

действие системы, способной с успехом противостоять всякой попытке реформы, которая могла бы затронуть ее основы. «Против ничего не в силах сделать никто, хотя бы стоял и в самой главе всего управления»⁷.

Рассчитывать на желание верхов трансформировать систему, даже если нет сомнения в существовании такого желания, – значило бы признать, что кто-либо в России может обойти «бюрократический порядок», значило бы думать, что ты «в Англии», где существует свобода «выбирать», замечает Чернышевский, а затем добавляет в статье, в которой под прикрытием Австрии речь шла о России (приём, характерный для творчества Н.Г.): «В Австрии никто, каким бы титулом ни пользовался, не мог иметь подобного личного влияния на дух управления... А если бы и произошло в их личных мыслях явление, которое никак не могло произойти, если бы лично в них и явилось сомнение относительно достоинств господствующей системы, явилось желание изменить ее, от этого не произошло бы никакого фактического результата, потому что ни Миттерних, ни сам Франц I не имели никакой личной силы над господствующей системой: они имели полную власть делать все, чего требовала эта система, но ничего иного не в силах были бы исполнить»⁸. Ключ к пониманию России, по Чернышевскому, – азиатство, так как вся она – отрицание государства европейского типа, регулируемого правом: «Азиатская обстановка жизни, азиатское устройство общества, азиатский порядок дел, – этими словами сказано все, и нечего прибавлять к ним»⁹. «Азиатством называется такой порядок дел, при котором не существует неприкосновенности никаких прав, при котором не ограждены от произвола ни личность, ни труд, ни собственность. В азиатских государствах закон совершенно бессилён. Опираясь на него – значит подвергать себя гибели. Там господствует исключительно насилие»¹⁰. Чернышевский описывает Россию, указывая в одном случае на отрицание правового устройства, в другом – на отсутствие установившегося общества.

Выводя невозможность действия из структуры системы, Чернышевский делает заключение о совершенной ее устойчивости. По отношению к различным политическим сценариям, которые обсуждались в кругу интеллигенции в связи с близящимся освобождением крестьянства, Чернышевский как бы переходит на уровень либерального дискурса: центральный вопрос политики в России не в степени участия масс, а в человеке, составляющем эти массы. Так как стихийное социально-политическое действие было невозможно, для Чернышевского на передний план выходит человек.

Общим местом давно стало, что человек составляет у Чернышевского начальный элемент, природа которого должна служить эталоном в оценке общества. Однако направление мыслей

Чернышевского было в большей степени политическим, нежели философским. В той мере, в которой для него отсутствие антисамодержавного действия, присущее русским социально-экономическим классам, явилось результатом «разложения личности» крепостничеством, здесь, по его мнению, не могло бы быть антидеспотических изменений иначе, чем через изменение человека¹¹. Необходимое изменение естественного хода русской истории, следствием которого явилась замкнутость социального пространства внутри самого государства-системы, требует, прежде всего, освобождения личности. Если азиатство, самодурство и обезличение пропитали, за небольшим исключением, всю Россию, есть ли в настоящем какой-то выход? Это и составляет суть проблемы. Спонтанно Россия не может породить силу, свободную от азиатства. Последняя большая статья «Не начало ли перемены?», которую написал Чернышевский до своего ареста, целиком посвящена ответу на подспудный вопрос: кто может вырваться из азиатства? Это подразумевает, что поскольку этот разрыв не вписывается в объективный ход развития, он относится к явлениям субъективного порядка. Вследствие этого поиском ответа на первой стадии будет полемика, имеющая целью доказать, что народ сам по себе не может представлять антисамодержавный элемент и не может самостоятельно освободиться от этой власти. Если мы не хотим обманывать народ и обманывать себя в поисках утешения, надо покончить с идиллическими картинками, к которым нас приучили «красноречивые панегиристы русского ума», задетые описаниями «тупой нескладицы в народных мыслях»¹². Изменение менталитета должно было предшествовать политическим и социальным преобразованиям. Следовательно, необходимо было «изучать простой народ», и в особенности «дюжинных людей». «Инициатива народной деятельности не в них, они, как подобные люди наших сословий, только плывут, куда дует ветер. Но их изучение все-таки важно, потому что они составляют массу простонародья, как и массу наших сословий. Инициатива не от них; но должно знать их свойства, чтобы знать, какими побуждениями может действовать на них инициатива»¹³. Так как сознание, а у Чернышевского его надо понимать как политическое сознание, является противоположностью «неосознанного», то народ, лишенный его, не только должен будет еще дольше ожидать своего освобождения, более того, возможным результатом его борьбы может стать продолжение старого порядка: или от того, что сущность режима не будет уничтожена (рука опускается, не достигнув поля деятельности противника), или потому, что позже наступит реставрация, и так, что народ этого не заметит. Из этого вытекает осуждение попыток революционного действия в современном состоянии общественного сознания; оно даже было бы «неосторожным и довольно опасным»¹³. Существует другой ис-

точник «изменения в жизни дюжины людей». В самом деле, отказ от действия, имеющего целью выступление масс в их нынешнем состоянии, сопровождается призывом привести извне политическое сознание – в самом простом смысле: гражданское сознание – в массы. «Образованные люди уже могут, когда хотят, становиться понятны и близки народу... Никаких особенных штук для этого не требуется: говорите с мужиком легко и непринужденно, и он поймет вас; входите в его интересы, и вы приобретете его сочувствие. Это дело совершенно легкое для того, кто в самом деле любит народ, – любит не на словах, а в душе»¹⁴. Так была поставлена проблема «новых людей». Другими словами, программа переустройства государства, предложенная Н.Г. Чернышевским, предполагала поиски источников модернизации в области совершенствования личности.

Можно продолжать достаточно длинный перечень столкновений дискурса либерального и имперского в трудах русского мыслителя, тем более, что неоднозначность и противоречивость его идей отмечаются практически всеми исследователями его творчества. Однако резюмируем.

Успех любого политического послания определяется тем, насколько его символы созвучны массовому сознанию, насколько автор уложил их во «вселенную» мнений и оценок его адресатов, «потребителей» политического дискурса. Будучи одним из самых ярких идеологов времени Великих реформ, Н.Г. Чернышевский не смог или не захотел предъявить обществу недвусмысленного

модернизационного дискурса. Причины этого кроются в двойственном характере дискурса разночинцев этой эпохи, с одной стороны, не желавших становиться на идеологические позиции официальной власти, с другой – не способных в силу различных причин интеллектуально обеспечить открытый призыв к социальному взрыву.

Примечания

- 1 Ломоносов М.В. Российская грамматика // Ломоносов М.В. Соч.: В 10 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 415.
- 2 См.: Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 38–72.
- 3 Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Рубежи. 1997. № 5(20). С. 126.
- 4 Ив. Фролов. Николай Гаврилович Чернышевский. Его жизнь, революционная деятельность и научные взгляды. М.; Л., 1928. С. 139.
- 5 Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939–1950. Т. VII. С. 745.
- 6 Там же. Т. X. С. 111.
- 7 Там же. Т. VIII. С. 445.
- 8 Там же. Т. V. С. 698.
- 9 Там же. С. 700.
- 10 Там же. Т. V. С. 589.
- 11 Там же. Т. VII. С. 874.
- 12 Там же. Т. V. С. 863.
- 13 Там же. Т. VII. С. 889.
- 14 Там же.

УДК 32.019.5 – 053.81

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А.А. Вилков, С.Ф. Некрасов¹

Саратовский государственный университет
¹Сибирская академия государственной службы
E-mail: Bondar4455@Rambler.ru

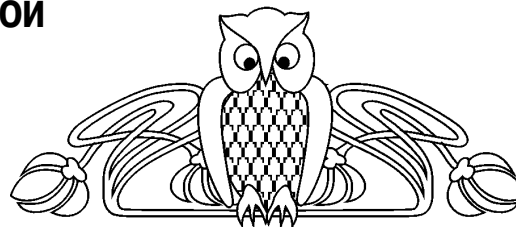
В представленной статье речь идет о специфике политических интересов студенческой молодежи в современной России, о характере и мотивации её политического участия, об основных тревогах и надеждах, характерных для её различных социальных групп. Статья написана на основе анализа материалов авторских социологических исследований среди студентов вузов Саратова и Новосибирска.

Ключевые слова: молодежь как субъект политики, политические интересы молодежи, мотивация политического участия, политические ценности.

Political Interests of the Modern Students

A.A. Vilkov, S.F. Nekrasov

The represented article is devoted to specific political interests of students in modern Russia, to the character and motivation of this

part of youth's political participation, to the most important challenges and hopes particular to its social groups. The article is based on the analysis of the authors' sociological investigation made among the students of Higher Educational Establishments in Saratov and Novosibirsk.

Key words: youth as a subject of politics, political interests of youth, motivation of political participation, political values.

Прошедший 2009 г. был официально объявлен Годом молодежи, в ходе которого властные структуры и ведущие общественно-политические организации России постарались привлечь внимание к проблемам подрастающего поколения. На наш взгляд, данный официальный импульс в развитии молодежной сферы невозможно закрепить и реализовать без постоянной поддержки не только на государственном, но и на общественном